

Канайт

Канака

ЗАГЖУ СВЕЧУ

* * *

Благословляю, бабочка! Лети
к своим цветам,
в свой сад и сновиденье.

Наскучила тебе зима. Прости,
что не внести тебя в стихотворенье.

О, как же зряч художник, как же слеп
тот, кто не видит красоту природы,
что ныне ты свой излучаешь свет,
как пламя самых первых дней свободы.

Сестра сестре и брату брат – как враг.
Нас время разделило на народы.
Теперь ты тоже как бы демократ
под солнечным и ясным небосводом.

Благословляю, бабочка! Лети
в свой зоосад.
С тетради прочь. Отныне
ты героиня не моей любви.
Лети себе, лети. Меня пусти
утешиться слезами по Марине...

* * *

Грядёт февраль.
И мысль о нём грустна.
Так холодно, хоть негодуй и сетуй.
Зима – она и в Африке зима.
(Кис-кис, Гаврюша! Молочка отведай!)

Есть за окном высокая стена
из кирпичей (за нею дом соседа,
где на верёвке сохнет простыня),
что до сих пор мной не была воспета.

А Музу лишь за смертью посылать!
Не можется простуженной гортани.
Сидеть в ночи, чего-нибудь писать,
как я привык в забытой глухомани,
сейчас не получается никак.
Но некому оставить гауптвахту.
Засим пойду в простуде на чердак,
надев на плечи чью-то безрукавку.

Нисходит ночь на голову мою.
Схожу на кухню, разбужу кофейник.
Возьму дрова и печку растоплю,
где прячется давно военнопленный.
Зажгу свечу и тихо на чердак
по деревянным стареньким ступеням
взойду, чтоб есть,
как маленький червяк
ест яблоко, слова до иступленья.

Как много лет кирпичная стена,
куда окно выходит из столовой,
стоит. Она ужель поднесена
в награду мне за слово и не слово?!
Взошла большая над стеной луна
и смотрит.

Я хочу писать толково,

Художник много натворил,
хоть человеком был он кротким,
стыда. Однажды угодил
за хулиганство за решётку.
Он как-то горячо бранил
всё, что оставил Петров-Водкин,
затем, что показался он
ему округлым и стандартным.
Он также не был впечатлён
никак Малевича «Квадратом».
Я помню, как ему сказал,
что из художников Малявин
мне нравится. Он это знал.
Не отругал, но был подавлен.
Я говорил, что высоко,
помимо «Вихря», «Бабу в красном»
ценю Архипова. На что
художник мне сказал: «Напрасно!»
Меня он часто обвинял,
не без причины, что в искусстве
я мало смыслю. Объяснял:
всё, что мне нравится, – безвкусно!
И как мне ни старался он
взгляд навязать на то и это,
Я оставался при своём,
как подобает быть поэту...
Он попытался на меня
давить (мой Бог, что это было –
не передать!), но мне ума
не спорить с ним тогда хватило.
Художник – старый человек,
и он достоин уваженья.
«Я тяжело иду наверх,
спускаться будет тяжелее».
Так мне художник говорил.
Теперь мы видимся не часто
с художником, что не любил
Малявина... Увы, напрасно.

* * *

Пришла зима, и полегчало саду.
Наладилось на сердце, улеглось.
Я, как всегда, за рукописи сяду
или за книгу, дочитать балладу.
Собака с кошкой покидают пост.
Ночь за окном моим уж на исходе,

а я сижу и не могу писать,
иль почерк мой тетради не угоден.
Любой другой насочинять свободен
о чём угодно: про любовь, про сад.
И только я не знаю, не умею
писать, как пишут сверстники мои.
Но с Музою, о, что мне делать с нею,
она забыла про мои стихи.
Покинула, отбыла, улетела.
Куда? К кому? Надолго ли? Когда?..
Хотя какое до неё мне дело.
Мне это всё давно осточертело.
Скажи, читатель, горе – не беда.

Недавно было, хоронили деда
односельчане. На похоронах
соседи шли, чтоб проводить соседа
в последний путь.

Его безгрешный прах
теперь лежит на кладбище деревни.
Я помню, как с поминок люди шли,
мужчины молча, женщины ревели,
молился ль кто за упокой души?!
Он жил один на улице соседней.
Мне говорили, у него был сын,
дед сына ждал

до дней своих последних,
что он вернётся, цел и невредим.
А было так, однажды к ним в деревню
наведалься из области весной
сам военком, пуская сигаретный
из носа дым, невыносимо злой.
Увёз на службу мальчиков деревни,
их от родимой отодрал глуши.
Не провожали, у себя сидели
мужчины молча, женщины ревели
и волосы на голове седали.
А мальчики в последний бой ушли.
Покойному хотелось видеть сына,
он сына ждал, просил его позвать.
Покойному мерещилась могила,
кричал в бреду, что бабка приходила
и говорила, что придёт забрать.
В полубреду покойный возмущался
и власть бранил и клял за то судьбу,
что не добился правды от начальства,
ни тела сына в цинковом гробу...

Так и ушёл. Так люди говорили:
– Так и ушёл, – качая головой.
Так я пишу в своём нелепом стиле,
не ведая, что дальше за строфой.

Ноябрь мне надоел и опостылел...
Смотри, читатель, осень в одиночку
в который раз я на себе влачу.
Ночь на исходе. Стало быть, мне точку
поставить надо и задуть свечу.

ГОГОЛЬ

Садятся люди в электрички,
не зная, чем занять досуг.
Весь век летит по черевички
кузнец Вакула в Петербург.

Чёрт дёрнул чёрта выкрасть месяц.
И, как покойница, легла,
из «Вия», на глухую местность
досель невиданная мгла.

На керосиновую лампу
надежды не держу уже.
Мерещатся, куда не гляну,
герои Гоголя везде.

Пишу, рифмую бестолково.
Но где-то за моим умом
Манилов вместе с Хлестаковым
в ночи плутают под окном.

Гуляет вьюга в подворотнях,
где совершает своё зло.
Пусть наконец-то скажет кто-то
из них:

– К нам едет ревизор!

Когда, свои дела окончив
на службе, выйдет на крыльцо,
почудится в беззвёздной ночи
Башмачкину моё лицо.

Перекрестятся два Ивана,
подастся Чичиков в бега...
В степях бескрайних Казахстана
навряд ли сыщут беглеца.

Лишь Вий посмотрит отрешённо
и удалится с глаз долой.
Обиженный и оскорблённый,
Иван Никифорович мой

Иван Ивановичу разве,
смешно подумать, не простит
обиду?! Гоголь в казнокрадстве
не станет никого винить!

.....

Останется навеки втайне:
кто он, что по дороге дальней
на санках, устремляя взор
в село, свой держит путь, опальный
и нежеланный ревизор?

Как растолкуешь человеку
не ехать в ушлое село,
поскольку ныне больше снега,
чем в прошлый месяц, намело?

Доедет ли в метель такую
и ночь, по снегу января,
собой, извозчиком рискуя,
покамест не взойдёт заря?!

.....

Кому-то в эту ночь не спится.
Пусть к басурманам устремится,
чтоб побороть в себе тоску.
Не дело с бабами бабиться –
Тарасу Бульбе – казаку.

Исподтишка войной ударит,
хоть старый, но ещё удалый,
так не сумеет никак заснуть.
В лице изменятся бульвары
и всполошится Петербург.

Такая ночь бывает только
раз в жизни и под Рождество?
По мне бабахнет из двустволки
казак и выбросит ружьё,

И пуля душу мне остудит,
моей руки коснётся смерть.

По мне – поэту – затоскует
Казак и упадёт на снег.

Метель отступит, стихнет вьюга,
на небе выглянет луна,
и длинный луч луны упругий
коснётся моего лица.

Не тронет грусть коня в загоне.
Покинет чёрт с зарей село.
Казак проснётся и уронит
в ладони сонное лицо.

Пушай сельчане колядуют
всю ночь. Хома испустит дух,
когда, страшая силу злую,
прокукарекает петух.

Возьми, Солоха, на поруки
меня, за тридевять земель,
на гору, где старуха-вьюга,
в пещеру, где живёт метель.

Нет у Солохи дилижанса:
нет ни коляски, ни коня.
Как долго будет продолжаться
всё это, знаю только я.

Неси по матушке России
меня, Солоха, на метле.

Пойдёт покойница из «Вия»
стращать село в кромешной мгле.

* * *

Степная ширь обманывает глаз.
Парит орёл, висит на небосклоне.
Лишь зрение (не знаю, как у вас)
увидеть очевидное способно.

Степь – женщина, и гордая причём,
лежит нагая, Бога не стесняясь.
Я в степь иду озябшим новичком.
Кем прихожусь степи? И кем останусь?

Попробуй жажду утоли в степи
из Сырских вод, где неземная влага.
В степи легко мне сочинять стихи.
Я на степи пишу, как на бумаге.

Кочевник мчится резво на коне.
Конь седока в историю уносит
сквозь войны, битвы, оставляя мне
ничем не описуемую осень.

Кочевнику привычна красота
родной земли – не ласковой, не грубой.
А мне в новинку здешние места.
Вон кто-то лихо скачет на верблюде.

Канат Кулахметов (литературный псевдоним Канат Канака) живёт в городе Байконуре, ему 32 года. Печатался в журналах «Московский Парнас», «Москва», «Новая Юность», «Вайнах», «Книголюб», «Новая реальность», «Журнал ПОэтов», «Наше поколение», «Зарубежные задворки». Участник XIII форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2013). Дипломант конкурса «Русская речь» (2015).

